

Русская мысль. - Париж. - 1996. - 15 февр. - с. 13. Прощайте, Лидия Корнеевна!

Мы прощаемся с замечательной женщиной, без остатка отдавшей себя русской литературе, и потому всю свою жизнь столько терпевшей от разных эпох и от разных властей, с женщиной великой стойкости и мужества. Вслед за своей старшей современницей Анной Ахматовой, чей живой облик она нам оставила, Лидия Чуковская была вправе сказать:

*Мы ни единого удара
Не отклонили от себя...*

Она не была политиком, она даже не была общественным деятелем, но она верила в достоинство человека и его свободу и в могущество и долговечность *царственного слова*. Но за такую веру в нашей стране приходилось дорого платить.

И в 20-е годы ее посадили в одиночку на Шпалерную, а затем отправили в ссылку; в 30-е расстреляли ее мужа, арестовывали ее друзей, вынудили ее сжигать дневники и прятать рукописи; в 60-х и 70-х она стала открыто публиковаться за рубежом, и тогда же мощно зазвучала ее публицистика, ее письмо Шолохову, ее статья "Гнев народа" в защиту Сахарова и Солженицына, с которыми она дружила и о судьбе которых, как и о судьбе всей страны, не переставала тревожиться. Ее исключили из Союза писателей, за ней началась слежка.

И все равно она продолжала верить в разумность добра, потому что была не просто доброй, не абстрактно доброй, а действительно доброй, в дружбе бесконечно щедрой, и хорошие и тоже добрые люди это чувствовали и отвечали ей тем же. Святослав Николаевич и Ирина Ефимовна Федоровы вернули ей зрение, и она могла до последнего дня работать. Александр Викторович Недоступ самоотверженно ее лечил. А молодой редактор Евгений Борисович Ефимов на свой страх и риск раньше всех начал ее печатать и этим тоже, я уверен, продлил ее годы.

Ее преданно любили, ею восхищались многие. В эти дни пришла масса скорбных телеграмм со всех концов земли: из Якутии, Японии, Парижа и ее родного Питера. Она была счастлива в друзьях, но друзья умирали, и потому в последнее время круг ее собеседни-

ков все чаще составляли любимые авторы — Герцен, Толстой, Блок, хотя ценила она не только классиков и к каждому любимому писателю относилась с молодой горячностью; ее глубоко оскорбляло любое недоброе о нем слово — может быть, ничуть не меньше, чем оскорбляли шествия под ее окнами с портретами Сталина по бывшим советским праздникам...

За несколько дней до смерти она позвонила мне и сказала:

— Хорошо, что я не доживу до июньских выборов. Второй их приход я не выдержу...

Я стал с ней говорить об Ахматовой и Блоке, потому что в этих поэтах мы находили с ней опору на всех исторических поворотах.

Опору я (и не только я) находил и в Лидии Корнеевне. Недаром американский журналист Хедрик Смит в своей знаменитой книге "Русские" назвал ее "петроградским ординаром, показывающим уровень нравственности российского общества".

Когда уходит родной человек, всегда чувствуешь перед ним вину, оттого что уже не отблагодаришь его за все, что он для тебя сделал. Но я ощущаю свою — и не только свою — вину перед Лидией Корнеевной неизмеримо глубже еще и потому, что все мы не смогли противостоять возвращению тех времен, от которых она столько страдалась, и она умирала с такими мрачными предчувствиями.

Давно уже физически слабая,

почти беспомощная, она жила благодаря самоотверженности дочери Люши и преданности своего долголетнего секретаря Фины Хавкиной; но теперь, когда отошла их ежедневная непосильная, но все равно радостная забота, для них наступят нелегкие дни: уйдя, Лидия Корнеевна оставила такую пустоту, которую не заполнить.

Прощайте, Лидия Корнеевна!

Лидия Корнеевна Чуковская

Ваш высокий дух и светлая память о Вас навсегда с нами...

Сейчас скажут прощальные слова те, кто Вас любил и чтит и кого Вы чтити и любили, и Вы покинете свой переделкинский дом и упокоитесь рядом с Корнеем Ивановичем, которого Вы тоже оставили нам живым в своей повести "Памяти детства".

Спасибо Вам, что Вы были, что Вы есть, что Вы будете всегда.

ВЛАДИМИР КОРНИЛОВ

Переделкино, 11 февраля.

СЛОВО ПРОЩАНИЯ

сто с порога, отталкивала потому, что она была, повторяю, ревнительницей, ценительницей традиции.

К сожалению, в наше время, в наше вообще бедственное и литературно бедственное время, таких ценителей и ревнителей становится — увы! — все меньше. И вот поэтому наша потеря сегодня чрезвычайно ощутительна.

Я стою в этой комнате и в этом доме с совершенно особенным волнением. Потому что именно здесь я получил по меньшей мере четырежды щедрый и надежный приют и защиту. Корней Иванович открыл мне свой дом в самые тяжелые дни, когда мой "криминальный" архив был захвачен КГБ и очень реально была возможность ареста. Вне его дома меня действительно можно было смахнуть, как муху. А вот здесь — не возьмешь!

Он повторно меня звал сюда еще и в начале 66-го, и тогда, когда я писал письмо съезду, которое тоже могло обернуться в то время по-разному.

Трижды звал он, а четвертый раз — в самые тяжелые предвы-
сильные месяцы, в последние

четыре месяца Лидия Корнеевна позвала меня, чтобы я имел здесь приют для работы. И если я четыре месяца перед высылкой работал, то только благода-
ря ей.

Вот здесь мы рядом жили, я в той комнате, она — в этой. Целыми днями работали, а вечерами сходились. За завтраком здесь как раз при мне пережила она жестокий, унижительный, оскорбительный изгон из Союза писателей, когда над ней изде-
вались.

Вот отсюда по совпадению 11 февраля я встал из-за этого самого стола (где покоился гроб с телом Лидии Корнеевны перед погребением. — *Ред.*) и ушел. Ушел, простившись с Лидией Корнеевной. И вот 11 февраля я пришел опять — проститься с нею, еще раз, в последний раз здесь.

Дорогая Лидия Корнеевна! Мы все в сердце нашем сохраняем Ваш образ, который был неразрывно связан с русской литературой этих десятилетий. Не с советской, а с истинно русской.

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН

Переделкино, 11 февраля.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Вся жизнь Лидии Корнеевны Чуковской была посвящена литературе. Буквально вся! От первого до последнего дня. Надо думать, что ее отца Корнея Чуковского поздравили с рождением дочери все его друзья, включая старика Репина (который потом рисовал эту девочку), Короленко, Леонида Андреева, Максима Горького, не говоря уже о Брюсове (он был готов даже подарить в приданое новорожденной свои знаменитые стихи "Близ медлительного Нила") и Сергее Городецком, написавшем на дверях спальни ее матери:

О, сколь теперь прославлен род
Чуковских,
Родив девицу, краше всех девиц.

Род Чуковских был и вправду ею прославлен. Можно сказать, что она уже с младенчества оказывала влияние на литературу, вместе со своими братьями побуждая отца к сочинению веселых стихотворных строчек, обращенных еще не ко всем детям России, а поначалу к своим собственным. Например, произнесенное нараспев:

...Лидооочек,
Лучшая из доочек!

Так оно и оказалось. Впоследствии, уже после смерти Чуковского, дочь написала пронзительные стихи об отце:

Ну, а если умру я, а дом твой
останется жить,
Я с ближайшего облака буду
его сторожить.

Мне кажется, всю свою жизнь она была поэтом. Это проявлялось не только в том, что Лидия Чуковская писала стихи, но и в том, что стихи классиков нашей поэзии буквально не сходили с ее уст, со страниц любой ее работы. Даже умирая, она читала Блока. За столь долгую жизнь она могла бы написать намного больше стихов, чем оставила нам. Но дело тут не в горестных обстоятельствах времени. Просто для выражения своих чувств ей чаще всего хватало любимых стихов других поэтов — от Гавриила Державина до Владимира Корнилова.

В этом причина неповторимости ее собственных стихов. Она писала свои стихи другой тогда, когда чувствовала, что никто других таких стихов не писал и не пишет.

Неприметный голос, неказистый,
Еле слышный, сброшенный со счета.
Ну и что же! Был бы только чистый.
Остальное не моя забота.

Этот чистый голос был самым временем; казалось, он был обречен на немоту. Она, как справедливо заметил А.И.Солженицын, всегда оставалась не советским, а просто русским писателем. Ее стихи не звучали в сталинские и брежневские времена, но они были написаны тогда. Так же, как ее повесть о сталинщине "Софья Петровна" — немедленный, точный и художественно полноценный отклик на то, что творилось перед ее глазами с народом и с ней самой.

Когда в 1942 году я познакомился с Лидией Корнеевной, у нее уже были написаны бесстрашно правдивые стихи и повесть, и они, никому из нас неизвестные, придавали особое достоинство ее облику и ее делам. Она писала во время войны

про детей, "чи глаза — не глаза — города". Я сам, беженец из Калуги, был в военном Ташкенте одним из таких детей. Корней Чуковский, которому я показал свои первые стихи, спас мне жизнь, сделал так, чтобы ко мне вернулось здоровье, подорванное голодом и пеллагрой.

У Лидии Корнеевны я вместе с моим другом Эдуардом Бабаевым занимался в семинаре в Центральном доме художественного воспитания детей. Лидия Корнеевна вместе с отцом работала в организации, созданной Е.П.Пешковой, — комиссии помощи эвакуированным детям. И скольких из этих детей Лидия Корнеевна спасла сама! А нам она спасала душу.

Нам с Бабаевым в наши 15 лет удивительно повезло. После отъезда Лидии Корнеевны в Москву мы подружались с великой Ахматовой и проникли в лучшие библиотеки Ташкента. А потом я писал Лидии Корнеевне, кого из поэтов "серебряного века" мы прочли и переписали в свои тетради. Чтобы раздобыть, например, сборники Клюева, Гумилева, Кузмина, журналы со стихами и прозой Мандельштама, приходилось идти на всякие хитрости. "Ловись, ловись, Валенька, — писала мне Лидия Корнеевна в 1944 году, — принимай наследство, которое тебе принадлежит, не позволяй себя обворовывать".

Она доверилась мне и в те годы прочла несколько своих "опаснейших" стихотворений. Я даже помню их ранние редакции. Вот какими были строки из стихов, посвященных ее расстрелянному в 1938 году мужу Матвею Бронштейну, физику и писателю:

Сквозь шторы проступал рассвет.
Сквозь дружбу проступало братство.
Вот почему сквозь столько лет,
Сквозь столько слез — не нарыдаться.

Лидия Чуковская была гением точности, она не прощала ни одной фактической ошибки, ни одного казенного или просто безвкусного оборота. Ее жажда точности так понятна в эпоху, когда человечество притрунулось к элементарным частицам и хромосомам.

Так же нравственно точны должны быть и наши книги, наши слова и дела. От многих слабостей и ошибок меня удержала мысль о Лидии Корнеевне.

Всю жизнь она писала, как и положено настоящему поэту, одну книгу с единым сюжетом. Она дожила до глубокой старости и осталась лириком, чья душа не знает возрастов, а лишь удивляется им:

Надежда — поздно, слава — поздно,
Все поздно, даже быть живой...
Но, Боже мой, как звездно, звездно...
Лес. Я. Звезда над головой.

Как-то мы говорили с ней о чувстве благодарности. Можно так: поблагодарил и успокоился с сознанием выполненного долга. Но есть люди, у которых чувство благодарности за все доброе, бесстрашное, бескорыстное бьет в сердце, как неиссякаемый родник. Такова была ее благодарность отцу, детству, своей дочери, друзьям (слово "друг" в ее стихах близко слову "Бог"), добрым делам и добрым людям.

Такой же, надо думать, останется и наша благодарность Лидии Корнеевне за то, что она сделала, за то, кем она была.

ВАЛЕНТИН БЕРЕСТОВ

Москва

Момент вечности

...Когда хоронили Варлама Шаламова, помню покойное чувство за нас, за него, исполнившего сторицей порученное ему свыше.

Похоронили Лидию Корнеевну, и осталось знание как жить, что делать, в том числе и в недалеком нынче коммунистическом будущем.

Еще могут сто раз на позор и на ужас обречь нас,
Но чтоб крохотный светик в потемках сердец не потух,
Нам дает свой венок — ничего не подделаешь, — Вечность,
И все дальше ведет — ничего не подделаешь — Дух.

Это Борис Чичибабин. И, может быть, — о Лидии Корнеевне. Он ее очень любил...

ВЛАДИМИР ЛЕОНОВИЧ

Москва